

В.М. Барсегян

МЕЖПОКОЛЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ: УРОВЕНЬ, ИНТЕНСИВНОСТЬ, ФАКТОРЫ

Статья посвящена анализу межпоколенной социальной мобильности молодых общественно-политических активистов, а также выявлению роли социально-экономического статуса родительской семьи в межпоколенной социальной мобильности молодежи. Эмпирической базой исследования стали данные анкетного опроса, проведенного в 2013 г. среди участников Всероссийского молодежного форума «Селигер-2013» (N=439). Социальный статус родительских семей и респондентов определялся посредством самооценок. Была выявлена значимая корреляция между социальным статусом семьи, в которой вырос респондент, и достигнутым социальным статусом самого респондента. Уровень социальной мобильности среди молодых активистов оказался на 14,6 % выше, чем среди молодежи в целом. Молодежь в среднем более склонна наследовать социальный статус родителей, чем молодые активисты. Вероятность восходящей социальной мобильности среди активистов на 12 % выше, чем среди молодежи в целом по стране. Интенсивность восходящей межпоколенной социальной мобильности среди молодых активистов составляет 2,1 пункта, среди молодежи в целом — 1,7. Интенсивность нисходящей социальной мобильности среди молодых активистов равна (-1,9), среди молодежи — (-2). Максимальное число ступеней, которое проходят молодые люди в России относительно уровня социального статуса семьи, в которой они выросли, равно 5. Среди молодых активистов этот показатель равен 7. Максимальное значение — 9 — не выявлено ни в одной группе. Это свидетельствует о том, что «чудес не бывает» и, несмотря на наличие социальных лифтов, весьма проблематичным становится выбиться в высший слой общества, если семья, в которой вырос человек, принадлежит к низшей ступени общества. Значимым фактором межпоколенной социальной мобильности молодых общественно-политических деятелей является образование родителей. При этом условия социализации родителей не оказали существенного влияния на уровень

Барсегян Вардан Меружанович — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики (Москва) (barsegyan.vardan@gmail.com)

Vardan Barsegyan — PhD student, Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow) (barsegyan.vardan@gmail.com)

социальной мобильности молодых активистов. Наличие высшего образования у отца является значимым фактором межпоколенной горизонтальной социальной мобильности, но влияет оно негативно: высшее образование отца снижает вероятность горизонтальных перемещений. В то же время образование матери не играет значимой роли в горизонтальных перемещениях молодых политиков.

Ключевые слова: *межпоколенная социальная мобильность, политическая активность молодежи, социальная мобильность, вертикальная мобильность, горизонтальная мобильность, факторы социальной мобильности, молодежь.*

Политика как сфера деятельности является объектом пристального внимания представителей молодого поколения в современной России. За последние 10-15 лет создано множество молодежных политических организаций, рекрутирующих тысячи молодых людей по всей стране в свои ряды. Привлекательность политики как сферы распределения власти и властисуществования объясняется несколькими факторами. Во-первых, власть как структурообразующий феномен может распределять различные статусы, ранжированные по уровню доступа к различным благам (Weber 1947; Штомпка 2005); во-вторых, власть может быть ресурсом, который можно конвертировать в другие ценные для индивида и общества ресурсы, например, в материальные блага, деньги (Бурдьё 2002; Bourdieu 1983; Радаев 2002).

Несмотря на столь очевидные преимущества политики как способа продвижения по социальной лестнице в России практически отсутствуют исследования, посвященные политической активности как каналу социальной мобильности молодежи, а также роли социального статуса семьи в социальной мобильности молодых активистов.

Политические ориентации и социальная мобильность, а также политика как канал социальной мобильности индивидов разработаны в трудах М. Черныша (Черныш 1997; 2005). Вопросам политического участия, власти и господства в России посвящены работы В. Ледяева (Ледяев 2012), П. Козыревой, А. Смирнова (Козырева, Смирнов 2013) и др. Вопросам протестной политической активности молодежи посвящены исследования И. Климова (Климов 2014). Активизм молодежи как социальный феномен является предметом исследований Е. Омельченко (Омельченко 2005).

Исследователи обращались и к такой проблеме, как роль семейного фактора в социальной мобильности. Так, был опровергнут миф о беспрецедентной открытости современного американского общества, т. к. различия в доходах между ближайшими родственниками (братьями и сестрами) в США в четыре раза выше, чем в Скандинавских странах (Berliner 2013), выявлено, что социально-экономическое положение семьи может существенно влиять на горизонтальную мобильность: молодежь из более обеспеченных семей более склонна реализовывать свои планы уехать из родительского дома (Cairns, Growiec, Smyth 2013). Социальная мобильность между поколениями в Сингапуре схожа

с типом социальной мобильности, характерной для США, — с высоким уровнем межпоколенческих разрывов (Ng 2013). Однако общая картина социальной мобильности молодежи позволяет сделать вывод о ее умеренно низком уровне.

Исследователями было показано, что в странах, которые можно назвать преимущественно традиционными или развивающимися, такие каналы, как семья, церковь, образование играют по-прежнему значительную роль в социальной мобильности молодежи. Например, в африканской республике Гана эффективным каналом социальной мобильности является церковь пятидесятников (Lauterbach 2010). В Индии исследователи фиксируют все большее ослабление кастовых преград перед социальной мобильностью. В индийском обществе наряду с возрастанием влияния индустриализации снижается роль каст как непреодолимых преград в социальной мобильности. Исследователи фиксируют рост влияния таких традиционных каналов социальной мобильности, как семья, образование, экономическое благосостояние домохозяйства и политические факторы; одним из определяющих оснований положения человека в социальной иерархии становится не только кастовая принадлежность, но и профессиональный статус (Kumar 2010).

Социальная мобильность и влияние на нее политических и идеологических предпочтений описана в работе «Кто хочет быть коммунистом? Карьерные стимулы и мобилизационная лояльность в Китае» (Dickson 2014). Автор на примере Китайской Народной Республики (КНР) показывает, что для политического продвижения молодежи вступление в Коммунистическую Партию Китая (КПК) является обязательным. Одновременно с этим для продвижения в негосударственном секторе на первое место выходит наличие высшего образования (Ibid: 42).

При исследовании миграции и социальной мобильности было выявлено, что чем выше социальный статус мигрантов в обществе, из которого они выехали, тем выше шанс более успешной социализации в принимающем обществе (Azzolini, Varone 2013: 94), т. е. авторами было выявлено влияние исходного социального статуса родителей-мигрантов на социальную мобильность детей в принимающем обществе.

Семья является не только источником «стартовой» социально-экономической позиции индивида, но и источником врожденных статусов, в частности — пола, национальности и, в большинстве случаев, религии. Влияние аскриптивных статусов на социальную мобильность молодежи также изучается исследователями. Так, молодежь латиноамериканского происхождения в США, даже в том случае, если получает образование уровнем выше, чем их родители, редко переходит в средний класс, — «застой» в рабочем классе не редкость для молодежи этой этнической группы (Terriquez 2014). У латиноамериканской молодежи в США, в сравнении с «белыми», меньше шансов получить высшее образование уровня бакалавриата, и эти шансы еще уменьшаются в том случае, если родители молодых людей сами не имеют высшего образования (Terriquez 2014: 404). Согласно результатам другого исследования (Wilson, Maume 2013), расовое происхождение влияет на социальную мобильность «белых» и «синих воротничков» в США. Ученые выяснили, что социаль-

ная мобильность среди представителей белой расы высока по сравнению с афроамериканцами и латиноамериканцами как среди «белых воротничков», так и среди «синих». Исследователи связывают это явление с тем, что афроамериканцы и латиноамериканцы в целях продвижения по карьерной лестнице делают в основном упор на формальные механизмы продвижения, такие как стаж работы, квалификация и т. д., в то время как представители белой расы используют как формальные, так и неформальные каналы влияния на руководство (дружеские беседы, встречи, обеды и т. д.), и, следовательно, делают упор на свое собственное продвижение (Wilson, Maume 2013: 9). Таким образом, уровень доверия играет значительную роль в социальной мобильности.

Итак, обобщив теоретический материал, мы можем предположить, что социальное положение семьи значительно влияет на социальный статус респондента; межпоколенная социальная мобильность среди молодых политических деятелей выше, чем среди молодежи в среднем.

Целью исследования является выявление основных характеристик межпоколенной социальной мобильности молодых общественно-политических активистов в современном российском обществе. Эмпирической базой исследования послужило авторское исследование, в рамках которого был проведен анкетный опрос участников политической смены Всероссийского молодежного форума «Гражданский форум» «Селигер-2013» (N=439) (сентябрь-октябрь 2013 г.). Второй эмпирической базой является база данных исследования «Бедность и бедные в современной России», проведенного Институтом социологии РАН в 2013 г. (N=1600) (Бедность и бедные... 2014)* по репрезентативной общероссийской выборке. Сравнение проводилось с респондентами возрастной группы 18-35 лет (N=594). Основные характеристики обеих выборок представлены в табл. 1. Релевантность авторской выборки обеспечивается тем, что ее состав сформирован из наиболее активных молодых общественно-политических деятелей, которые участвуют в главном молодежном общественно-политическом форуме современной России.

В части выявления основных характеристик социальной мобильности использованы вопросы из анкеты социологических опросов, проводимых в рамках реализации Международной программы социальных обследований с модулем «Social Inequality» (ISSP-2009), а также из анкеты исследования «Бедность и бедные в современной России», проведенного Институтом социологии РАН в 2013 г. (Бедность и бедные... 2014).

В целях сбора эмпирического материала участникам форума «Селигер-2013» (политическая смена) была разослана ссылка на электронную версию анкеты, опубликованную на сайте «SurveyMonkey». Электронные адреса участников форума были получены из базы данных участников «Селигера». Данная база создается ежегодно для учета участников.

* Выражаю глубокую признательность заместителю директора ИС РАН, профессору-исследователю НИУ ВШЭ, доктору социологических наук Н.Е. Тихоновой за любезно предоставленный инструментарий исследования и базу данных исследования ИС РАН.

В выборку вошли молодые люди из 74 субъектов Российской Федерации. Ниже представлены основные характеристики выборки (см. табл. 1).

Таблица 1

**Основные характеристики выборки авторского исследования
и исследования ИС РАН**

Пол	Количество случаев				Возраст			
	Авторская выборка		ИС РАН		Авторская выборка		ИС РАН	
	Чел.	%	Чел.	%	Ср.	Медиана	Ср.	Медиана
М	208	47,4	284	47,8	23,09	22	26,27	26
Ж	231	52,6	310	52,2	21,48	21	26,41	26
Итого	439	100	594	100	22,25	21	26,55	26

Методология измерения социальной мобильности

Межпоколенная социальная мобильность будет выявлена путем сопоставления ответов респондентов на вопросы о том, куда бы они себя поместили на шкале от 1 до 10, где «10» соответствует верхушке общества, а «1» — его низам. Респондентам предлагалось отметить свое текущее положение и положение семьи, в которой вырос респондент.

Межпоколенная горизонтальная социальная мобильность вычисляется путем сопоставления типа населенного пункта, в котором жил респондент, когда пошел в школу, и типа населенного пункта, в котором жили родители респондента. Изменение типа населенного пункта будет означать переезд респондента, т. к. другая альтернатива — переход населенного пункта из одного типа в другой — крайне редкое явление.

Оценки по шкалам социального положения имеют градацию от 1 до 10, соответственно, при вычитании оценок разброс может варьироваться от — 9 до 9. Положительная оценка свидетельствует о восходящей социальной мобильности, отрицательная — о нисходящей. При значении 0 можем говорить о стабильности положения (или иммобильности).

При вычислении показателей горизонтальной мобильности интерпретация оценок следующая: 0 — фиксируем отсутствие горизонтальной мобильности; любое другое значение, отличное от нуля — фиксируем факт горизонтальной мобильности.

В качестве показателей социальной мобильности используются два классических: уровень (в терминологии П. Сорокина, «всеобщность») и интенсивность социальной мобильности, введенных П. Сорокиным, и один — показатель вероятности социальной мобильности, используемый исследователями сегодня.

Уровень социальной мобильности понимается как «число индивидов, которые изменили свое социальное положение... за определенный промежуток времени... пропорция таких индивидов ко всему населению дает относительную всеобщность... мобильности» (Сорокин 1992: 375; Sorokin 1952). Соотно-

считать количество индивидов будем не с населением в целом, а с количеством респондентов, принявших участие в опросе.

Интенсивность социальной мобильности — «...социальная дистанция или количество слоев..., проходимых индивидом в его восходящем или нисходящем движении за определенный период времени» (Сорокин 1992: 375). Здесь отметим, что мы будем интенсивность рассчитывать не только для вертикальной, но и для горизонтальной мобильности.

Вероятность социальной мобильности — соотношение количества индивидов, совершивших социальную мобильность в том или ином конкретном направлении, к общему числу индивидов, совершивших социальную мобильность.

Уровень и интенсивность межпоколенной вертикальной социальной мобильности

Для начала выясним, связаны ли между собой социальный статус респондента и социальный статус семьи, в которой вырос респондент. Для этого был проведен линейный регрессионный анализ. Результаты анализа следующие: $V=0,3$; $p < 0,000...$; значимость модели: $p < 0,000...$ Таким образом, чем выше социальный статус семьи, в которой вырос респондент, тем выше социальный статус респондента.

Межпоколенная социальная мобильность характеризует изменение социального положения детей относительно родителей, семьи, в которой вырос человек. Социальная структура группы молодых общественно-политических активистов, а также социальная структура семей, в которых они выросли, представлены ниже (см. рис. 1, 2).

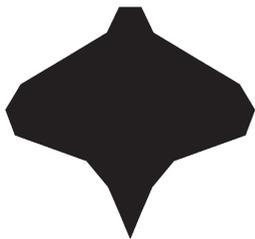

Рис. 1. Социальная структура группы молодых активистов в 2013 г. *

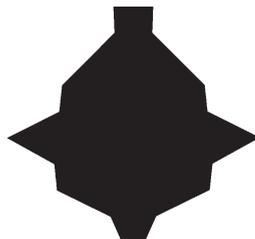

Рис. 2. Социальная структура семей, в которых выросли молодые активисты

* По вертикали расположены шкалы снизу вверх от 1 до 10.

По горизонтали — доля респондентов, относящих себя к данному слою в обществе.

Наглядное представление результатов исследования структуры групп позволяет сделать вывод о высоком уровне восходящей межпоколенной социальной мобильности среди молодых активистов. Приблизительно половина семей молодых деятелей находятся ниже срединного положения в социальной структуре. При этом сами респонденты в более чем половине случаев находятся в социальной иерархии выше 5 пункта. А наибольшая доля респондентов сконцентрирована на уровне 6 пунктов, в то время как среди семей наибольшая доля семей сконцентрирована на 5 пункте.

Далее проведем анализ социальной структуры молодых россиян и их семей. Результаты представлены в графическом виде на рис. 3, 4.

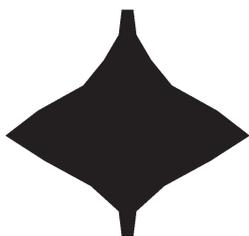

Рис. 3. Социальная структура молодежи в среднем в 2013 г.

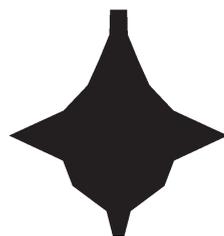

Рис. 4. Социальная структура семей молодежи в среднем

При сравнении социальной структуры молодых россиян и их семей различия выглядят менее явными, чем в случае с молодыми активистами. Наибольшая доля респондентов сконцентрирована в срединном слое (пункт 5), — 28,1 %, семьи респондентов также сконцентрированы в середине на 5 пункте иерархии — более 30 % всех семей.

При сравнении, например, статусов семей молодых активистов и молодых россиян в среднем можно сделать следующие выводы. Во-первых, они относительно схожи: в обеих группах большая часть группы сконцентрирована в середине, а мода в обеих группах равна 5. Во-вторых, существенным различием может считаться только превышение доли семей, сконцентрированных в верхних слоях (особенно 6 и 7) среди молодых деятелей.

При сравнении социальной структуры молодых деятелей и молодых россиян в целом было выявлено, что мода в группе молодых активистов равна 6, в то время как среди молодежи — 5. Также большая часть молодых активистов сконцентрирована выше 5 пункта, в то время как молодежь в России скорее относит себя к средним слоям (5, 6) и ниже.

Рассчитаем теперь показатели межпоколенной социальной мобильности среди молодых активистов и молодежи в среднем (табл. 2).

Итак, уровень социальной мобильности в группе молодых деятелей на 14,6 % выше, чем среди молодежи в целом. Среди молодых активистов высок уровень межпоколенной восходящей социальной мобильности: он составляет 54,9 %, что выше, чем в среднем по России на 18,2 %; уровень нисходящей социальной мобильности среди молодых активистов ниже на 3,6 %, — эта разница в несколько раз меньше, чем при анализе восходящей межпоколенной социальной мобильности.

Молодежь в среднем более склонна наследовать социальный статус родителей, чем молодые активисты, т. к. уровень стабильности группы, т. е. доля молодежи, находящейся на тех же социальных позициях, что и их родители, в группе молодых деятелей составляет 23 %, в то время как среди молодежи в среднем — 37,6 %.

Показатели шансов межпоколенной социальной мобильности свидетельствуют, что даже если молодежь в среднем совершит акт социальной мобильности, то вероятность восходящей социальной мобильности в данном случае

**Основные характеристики межпоколенной социальной мобильности
молодых активистов и молодежи в среднем**

Показатель	Молодые деятели (N=447)	Молодежь в среднем (N=594)
Уровень социальной мобильности, %	77	62,4
Восходящая социальная мобильность, %	54,9	36,7
Нисходящая социальная мобильность, %	22,1	25,7
Вероятность восходящей социальной мобильности, %	71,3	58,8
Вероятность нисходящей социальной мобильности, %	28,7	41,2
Интенсивность восходящей социальной мобильности	2,1	1,7
Интенсивность нисходящей социальной мобильности	-1,9	-2
Максимальное значение интенсивности восходящей социальной мобильности	7	5
Минимальное значение интенсивности нисходящей социальной мобильности	7	-7
Уровень стабильности, %	23	37,6

будет более чем на 12 % ниже, чем среди молодых деятелей. Таким образом, шансы на восходящую социальную мобильность среди молодых деятелей выше.

Интенсивность восходящей межпоколенной социальной мобильности среди активистов составляет в среднем 2,1 пункта, среди молодежи в среднем — 1,7. Интенсивность нисходящей социальной мобильности среди молодых активистов равна (– 1,9), среди молодежи в среднем — (–2). Таким образом, вертикальная социальная мобильность среди молодых активистов выше, чем среди молодежи в среднем. В то же время интенсивность нисходящей социальной мобильности в среднем ниже в группе молодых активистов.

Максимальное число ступеней, которое проходят молодые люди в России относительно уровня социального статуса семьи, в которой они выросли, равно 5. Среди молодых активистов этот показатель равен 7. Отметим, что максимальное значение 9 не выявлено ни в одной группе. Это свидетельствует о том, что «чудес не бывает» и, несмотря на наличие социальных лифтов, весьма проблематичным становится выбиться в высший слой общества, если семья, в которой вырос человек, принадлежит к низшей ступени общества.

Минимальный уровень социального падения в обеих группах равен (–7). Здесь также не наблюдается минимально возможного значения (–9), что еще раз подтверждает относительно сильное влияние социального происхождения на социальную мобильность.

Межпоколенная вертикальная социальная мобильность — основные факторы

Уровень межпоколенной социальной мобильности, выявленный ранее, является важным показателем социального роста молодых деятелей. В данном

параграфе будут выявлены основные факторы, которые могли повлиять на социальную мобильность.

Для выявления факторов социальной мобильности используем бинарный логический регрессионный анализ. Зависимая переменная — восходящая социальная мобильность (дихотомическая переменная: да / нет). В качестве независимых переменных используются условия социализации родителей (город / село), а также образование родителей (наличие высшего образования и выше (напр., научная степень / отсутствие научной степени)).

В модель, таким образом, были включены в качестве ковариат следующие переменные: социализация отца в городе, социализация матери в городе, высшее (и выше) образование отца и высшее (и выше) образование матери (табл. 3 ,4).

Таблица 3

Переменные в уравнении

Переменные	B	Знч.	Exp(B)
Высшее образование отца	-0,480	0,031	0,619
Высшее образование матери	-0,766	0,001	0,465
Константа	0,793	0,000	2,210

Таблица 4

Переменные, не включенные в уравнение

Переменные	Знч.
Социализация матери в городе	0,975
Социализация отца в городе	0,408

Оценка модели: значимость модели $p < 0,0001$, процент корректно предсказанных значений зависимой переменной — 59,9 %.

Итак, значимыми оказались переменные, отвечающие за образование родителей респондентов. Переменные, отвечающие за условия социализации родителей, оказались не значимыми. Таким образом, можно подытожить, что значимым фактором межпоколенной социальной мобильности молодых общественно-политических деятелей является образование родителей. При этом условия социализации родителей не оказали существенного влияния на уровень социальной мобильности молодых деятелей.

Отрицательные значения коэффициентов (высшее образование отца и матери) в уравнении регрессии можно объяснить структурными и институциональными факторами. Респонденты, чьи родители имеют низкий уровень образования, в сегодняшнем обществе имеют больше шансов получить более высокий уровень образования, чем их родители в свое время. Это объясняется общей либерализацией сферы высшего образования, новыми возможностями для самообразования, наличием большого выбора дистанционных форм образования. Это дает современной молодежи шансы получить более высокий уровень образования, чем их родители.

Межпоколенная горизонтальная мобильность

Сопоставление типа населенного пункта, в котором жил респондент, когда пошел в школу, и типа населенного пункта, в котором жили родители респондента, позволит определить межпоколенную горизонтальную социальную мобильность. Изменение типа населенного пункта будет означать переезд респондента, т. к. другая альтернатива — переход населенного пункта из одного типа в другой — крайне редкое явление. Для оценки горизонтальной мобильности используется шкала бинарного типа: город / село.

Необходимо уточнить, почему мы относим этот тип мобильности (переезд из одного типа населенного пункта в другой) к горизонтальной, а не к вертикальной. Во-первых, переезд — это, прежде всего, перемещение в пространстве, что, по аналогии, ближе к горизонтальной мобильности, чем к вертикальной. Во-вторых, мы не можем утверждать, что переезд респондента, например, из села в город — это акт вертикальной мобильности: возможно, в селе у респондента было более высокое социальное положение, например, он был фермером и имел в собственности землю и скот, а в городе он всего лишь наемный рабочий (справедлива и обратная ситуация, когда совершается переезд из города в село).

Таким образом, в случаях пространственных перемещений вертикальная социальная мобильность может наблюдаться, а может и не наблюдаться, в то время как горизонтальные перемещения точно фиксируются.

Еще одно предварительное замечание: мы рассматриваем в качестве социальной горизонтальной мобильности только те случаи, когда респондент пошел в школу в городе, в то время как оба родителя — в селе. И наоборот: когда респондент пошел в школу в селе, в то время как оба родителя — в городе. Случаи, когда тип населенного пункта, в котором пошли в школу один или оба родителя, совпадает с типом населенного пункта, в котором пошел в школу респондент, — мы не считаем социальной горизонтальной мобильностью.

Таблица 5

Основные характеристики межпоколенной горизонтальной социальной мобильности молодых деятелей и молодежи в среднем (показатель: город / село)

Показатель	Молодые деятели (N=447)	Молодежь в среднем (N=594)
Уровень горизонтальной мобильности, %	12,5	8,4
Уровень стабильности, %	87,5	91,6

Молодым деятелям несколько более свойственна межпоколенная горизонтальная социальная мобильность, чем молодежи в среднем: 12,5 % против 8,4 % (табл. 5). Итак, мы выявили уровень горизонтальной мобильности среди молодежи и молодых деятелей, сопоставили эти данные. Теперь необходимо ответить на вопрос — что могло стать фактором горизонтальной мобильности молодых деятелей?

Факторы межпоколенной горизонтальной социальной мобильности

В качестве факторов социальной горизонтальной мобильности включим в модель образование родителей. Результаты анализа представлены в табл. 6.

Таблица 6

Переменные, включенные в уравнение

Переменные	B	Стд. ошибка	Вальд	ст.св.	Знч.	Exp(B)
Отец имеет высшее образование	-,894	,320	7,803	1	,005	,409
Константа	-1,574	,174	82,067	1	,000	,207

Оценка модели: хи-квадрат = 8,5, $p < 0,05$, процент корректно предсказанных значений 87,1 %. Таким образом — модель значима.

Итак, наличие высшего образования у отца является значимым фактором межпоколенной горизонтальной социальной мобильности. Однако влияет оно негативно: высшее образование отца снижает вероятность горизонтальных перемещений. В то же время, образование матери не играет значимой роли (при принятом уровне значимости в 5 %).

Подведем итоги. В целом политическая сфера на сегодняшний день является эффективным институтом социальной мобильности, при этом значимо влияние социального происхождения респондента. Вместе с тем остается немало вопросов, на которые еще предстоит найти ответ. Одинаков ли уровень социальной мобильности у протестно-настроенной молодежи и у лояльных активистов? Какую роль в этом играет социальный статус семьи? Изучив и эту часть данной предметной области, можно будет сделать вывод о характере отбора на более высокие социальные позиции: действительно ли лояльность важнее профессионализма в политической сфере, или это один из общественных стереотипов?

Литература

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002, 3(5), с. 60–74.

Климов И.А. «Конструктивные» и «протестные» движения как ресурс изменения социальных практик // Журнал исследований социальной политики, 2014, 12(2), с. 201–216.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое участие и особенности развития политической активности в современной России // Социологическая наука и социальная практика, 2013, 3, с. 53–77.

Ледяев В.Г. Политическое участие // Политология: учебник / Под общ. ред.: В.И. Буренко. М.: КноРус, 2012. С. 203–213.

Омельченко Е.Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики, 2005, 3(1), с. 59–86.

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология, 2002, 3(4), с. 20–32.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. С.А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992.

Черныш М.Ф. Социальная мобильность и политические ориентации // Социологический журнал, 1997, 3, с. 5–19.

Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: Монография. М.: Гардарики, 2005.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005.

Azzolini D., Barone C. Do they progress or do they lag behind? Educational attainment of immigrants' children in Italy: The role played by generational status, country of origin and social class, *Research in Social Stratification and Mobility*, 31(1), 2013, pp. 82–96.

Berliner D.C. Inequality, Poverty, and the Socialization of America's Youth for the Responsibilities of Citizenship, *Theory into Practice*, 52(3), 2013, pp. 203–209.

Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) *Soziale Ungleichheiten* (Soziale Welt, Sonderheft 2). Göttingen: Otto Schwartz & Co., 1983, pp. 183–198.

Cairns D., Growiec K., Smyth J. Leaving Northern Ireland: Youth mobility field, habitus and recession among undergraduates in Belfast, *British Journal of Sociology of Education*, 2013, 34(4), pp. 544–562

Dickson B. Who wants to be a communist? Career incentives and mobilized loyalty in China, *China Quarterly*, 2014, 217, March, pp. 42–68.

Kumar A. From the Field to the Factory: Dimensions of Power and the Process of Occupational Mobility among Rural Youths of Nagpur District, *Social Change*, 2010, 40(3), pp. 303–317.

Lauterbach K. Becoming a pastor: Youth and social aspirations in Ghana, *Young*, 2010, 18(3), pp. 259–278.

Ng I.Y.H. The political economy of intergenerational income mobility in Singapore, *International Journal of Social Welfare*, 2013, 22(2), pp. 207–218.

Sorokin P. *Social and Cultural Mobility*. New York, NY: The Free Press. 1959. 656 P.

Terriquez V. Trapped in the working class? Prospects for the intergenerational (im) mobility of Latino youth, *Sociological Inquiry*, 2014, 84(3), pp. 382–411.

Weber M. Status Groups and Classes, in: Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*, tr. by A.M. Henderson and T. Parsons. New York: Free Press, 1947, pp. 424–429.

Wilson G., Maume D. Men's race-based mobility into management: Analyses at the blue collar and white collar job levels, *Research in Social Stratification and Mobility*, 2013, 33, September, pp. 1–12.